

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2017), 196–205
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2017), 196–205
© Автор(ы) 2017

ОБРАЗНАЯ СИСТЕМА РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» В ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ

А.П. Власкин, Т.Б. Зайцева, С.В. Рудакова

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
apvmgn@mail.ru, tbz@list.ru, rudakovamasu@mail.ru*

Аннотация. В «Преступлении и наказании» при относительном количественном равенстве мужских и женских персонажей наблюдается их «художественное неравенство» по возможностям их взаимовлияния. Мужские образы достаточно самостоятельны и стабильны по отношению к друг другу. Но они оказываются динамичны, когда попадают в конкурентное поле под воздействием женского влияния. В результате образуются своеобразные «любовно-художественные треугольники». В черновых материалах к роману автором предусматривались даже «многоугольники».

В статье указанная закономерность рассматривается на примере взаимовлияния образов Авдотьи Раскольниковой, Лужина, Свидригайлова и Разумихина. Обнаружено, что под влиянием сестры центрального героя в конкурентных взаимоотношениях все три претендента на ее сердце и руку заметно меняются. Тем самым в этих мужских образах под воздействием женского центра притяжения выявляется скрытый художественно-психологический потенциал, изначально предусмотренный Достоевским. При этом эволюция у трех образов идет неравномерно и в разных направлениях. Начальный этап в сюжетной судьбе Лужина позитивен. Он был единственным, кто не поверил сплетням и спас репутацию Авдотьи Романовны. Однако затем он стремительно деградирует в этическом

Власкин Александр Петрович – доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения МГТУ им. Г.И. Носова.

Зайцева Татьяна Борисовна – доктор филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения МГТУ им. Г.И. Носова.

Рудакова Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения МГТУ им. Г.И. Носова.

отношении. Свидригайлов начинает в «демонической» окраске и долгое время в ней остается. Однако постепенно, под влиянием чувств к Авдотье Раскольниковой, он меняется в позитивном направлении. Разумихин изначально показан в позитивной психологической ауре. Но в его мужской репутации были негативные нюансы – легкомысленное отношение к женщинам. Образ полностью очищается от этого после контакта с Авдотьей Раскольниковой. Его эволюция наиболее кардинальна.

Ключевые слова: русская литература XIX в., Ф.М. Достоевский, роман «Преступление и наказание», психологизм

Введение

В настоящей статье мы не используем гендерную методологию как таковую¹. Соответствующий *аспект* позволяет обратиться к литературным образам и к особенностям их художественного функционирования без обязывающих методологических принципов, и значит – видеть проблему взаимоотношения полов шире. Продуктивность рассмотрения литературных текстов под этим углом зрения подтверждается тем, что здесь возможен и уже был задействован самый разный материал. Например, это могут быть произведения XVIII столетия²; русская классическая литература³. Различные произведения Ф.М. Достоевского также анализировались в этом аспекте⁴. Вместе с тем один из самых знаменитых его романов, «Преступление и наказание», в гендерном аспекте целенаправленно не изучался; предпринимались лишь эпизодические и лаконичные попытки. Мы позволим себе «прочитать» его в этом ракурсе шире, хотя бы в первом приближении.

Прежде всего в гендерном отношении примечательна сама образная система романа. Женские и мужские персонажи здесь находятся в определенном количественном балансе, однако качественное их соотношение достаточно разнородно. В идейном аспекте, безусловно, значимее представляются мужские образы, тогда как в аспекте социально-психологическом наблюдается нечто вроде «женской художественной эмансипации». Мы возьмемся это показать, сосредоточив внимание пока что на одной героине, Авдотье Романовне Раскольниковой.

На ее «сердце и руку» претендуют по логике сюжета сразу трое: Свидригайлов, Лужин и Разумихин. Еще одна героиня прямо сопоставляется с Дуней, это Соня Мармеладова. И на ее внимание также претендуют – Раскольников и Лебезятников. В этом ряду, согласно творческой истории романа, вполне мог оказаться все тот же Лужин. В черновиках есть записи, вроде следующей: «...открывается, что он (Лужин!!) влюбляется в Соно ужасно (натура). Он делает связи в Петербурге и сам дивится, что так падает...»⁵.

Впрочем, в черновиках к той же Соне «неровно дышат» и Разумихин со Свидригайловым. Подтверждающие цитаты опускаем, но приведем лишь одну, о Свидригайлове: «Иногда разговоры с Соней об хороших идеалах. Признается, что с

¹ Шорэ 1999; Marsh 1996; Demidova 1996; Whitford 1991.

² Абрамзон 2013.

³ Абрамзон 2016; Рудакова 2013; Зайцева 2011; Татаркина 2002.

⁴ Власкин 2003; Власкин 2004.

⁵ Достоевский 1972–1990/7; 136.

ней было бы ему лучше. Говорит об этом Авдотье Романовне и хвалит Соню»⁶. Получается, что согласно черновику, вокруг Сони, перефразируя Дмитрия Карамазова из итогового романа писателя, могло бы столкнуться сразу «пять лбов». Но это было бы слишком даже для Достоевского, – и «лбы» распределились по двум женским центрам притяжения.

Есть, правда, еще подруга Сони, Лизавета. О ней, между прочим, узнаем из беседы безымянных персонажей, что «Лизавета поминутно была беременна...

– Да ведь ты говоришь, она урод? – заметил офицер.

– <...> Знаешь, совсем не урод. У нее такое доброе лицо и глаза <...> Доказательство – многим нравится. Тихая такая, кроткая, безответная <...> А улыбка у ней даже очень хороша»⁷.

Все это ведет нас к пониманию важных особенностей художественного мира произведения. А именно: в романе достаточно густо, в переплетении, наличествуют сюжетные судьбы женщин. Но важны не столько они сами по себе, сколько их взаимосвязь с судьбами мужскими. Последние оказываются во многом сориентированы на первые. Персонажи-мужчины у Достоевского раскрываются уже и в избирательном внимании к женщинам и тем более – через конкретные взаимоотношения с ними. Они, персонажи-мужчины, очень показательны в том, на кого и почему обращают внимание, и еще более в том, как себя при этом проявляют. Что-то в них дремлющее (а точнее, конечно, заложенное автором) вдруг раскрывается порой в непредвиденных выражениях. И некоторые образы мужчин при этом как бы «плывут», меняются.

Притом, можно заметить, что содержательность женских образов у Достоевского раскрывается более равномерно в отношениях к разным мужчинам, претендентам на их благосклонность. Дуня, Соня, Лиза – они, пожалуй, остаются самими собой во взаимоотношениях с разными персонажами-мужчинами. А те как раз зачастую меняются даже в логике характеров. Им как бы «крышу сносит» под влиянием женщины. Но примечательно не только это. У героев-мужчин по поводу женщин почти неизбежно возникает конкуренция, в которой проявляются еще более глубинные свойства характеров.

Раскольников, Свидригайлов, Лебезятников, Лужин, Разумихин, – как образы, они соотносятся и непосредственно. Не без основания их интерпретируют порою как идейно-теоретических «двойников». Тут обходится и без «женского следа». Это, так сказать, мужская составляющая художественной идеи романа. Но если последовать рекомендации «ищите женщину», то нас могут ожидать открытия как в психологии мужских характеров, так и в их идейно-художественном наполнении.

Соня, Раскольников и Лебезятников – с этим треугольником не то чтобы все ясно, но об этом уже достаточно сказано⁸. Так что теперь на повестке дня – «*страсти по Дуне*». И начнем с самого трудного случая: образ Петра Петровича Лужина.

За ним закрепились искаженная репутация (встречаются мнения, что он «одной краской написан» и т.п.). Но если говорить именно об образе, то он интересен

⁶ Достоевский 1972–1990/7, 164.

⁷ Достоевский 1972–1990/6, 54.

⁸ Власкин 2012.

и далеко не однозначен. В жизни это был бы, конечно, человек «нерукопожатный» или попросту «подлец», даже «сукин сын», – но в эстетическом плане это «наш сукин сын», то есть персонаж *нашего Достоевского!*

Кстати, о «подлеце»; припоминаются цитаты: «Очень сомнительно, чтобы избранный нами герой понравился читателям. Дамам он не понравится, это можно сказать утвердительно». И далее: «...пора наконец припрячь и подлеца. Итак, припряжем подлеца!»⁹. Вообще творческая переключка Достоевского с Гоголем по линии Чичиков-Лужин в науке недооценена.

В Чичикове особенно интересно следующее. Такой осторожный и изворотливый персонаж дважды в своей сюжетной «карьере» терпит крах: теряет хлебное место на таможне, а потом бросает свой «бизнес-проект» по мертвым душам. Причина же одна и та же – женщины. В первом случае они с партнером некую «бабенку» не поделили (опять два «лба» столкнулись). А вот что сказано по поводу второго случая, с губернаторской дочкой: «Нельзя сказать наверно, точно ли пробудилось в нашем герое чувство любви, – даже сомнительно, чтобы господа такого рода <...> способны были к любви; но при всем том здесь было что-то такое странное, что-то в таком роде, чего он сам не мог себе объяснить»¹⁰.

Кто же назовет Чичикова «плоским образом»? А вот Лужина таковым многие склонны считать.

Между тем, во-первых, он у Достоевского влюблен по-своему (как «подлец Чичиков») не в кого-нибудь, а в Дуню! Это почти уже как у Пушкина о Татьяне Лариной: «А глаз меж тем с нее не сводит / Какой-то важный генерал». Между прочим, для провинции успешный адвокат Лужин сродни важному генералу (поважнее Свидригайлова). И еще заметим: «...святаясь тогда за Дуню, он совершенно уже был убежден в нелепости всех этих сплетен»¹¹. То есть, подобно мужу пушкинской Татьяны, Лужин – один из немногих, кто сразу распознал цену своей Татьяне (то есть Дуне). И это вот какая цена: «Тут являлось даже несколько более того, о чем он мечтал: явилась девушка гордая, характерная, добродетельная, воспитанием и развитием выше его (он чувствовал это) <...> Обаяние прелестной, добродетельной и образованной женщины могло удивительно скрасить его дорогу»¹². И еще: «Наконец, ведь он уже даже любил по-своему Дуню <...> – и вдруг!..»¹³.

А «вдруг» (то есть разрыв) явилось следствием того, что он сглупил ради нее. Но ведь и сама эта способность глупить во вред себе ради обладания женщиной чего-то стоит. Был бы Лужин «плоским» характером – легко нашел бы хорошенькую, образованную, послушную, которая была бы по гроб ему благодарна.

Все это было «во-первых», то есть по поводу влюбленности в Дуню.

А во-вторых, Лужин сродни Свидригайлову (всем нам интересному), и сразу в нескольких ракурсах. Например, он и прямо «сродни» с ним, через Марфу Петровну. Вообще родственные связи персонажей у Достоевского, сбывшиеся и несбывшиеся, едва ли случайны. И вот в сюжетном итоге романа породнились

⁹ Гоголь 1994/5, 203, 204.

¹⁰ Гоголь 1994/5, 155.

¹¹ Достоевский 1972–1990/6, 235.

¹² Достоевский 1972–1990/6, 235.

¹³ Достоевский 1972–1990/6, 236.

Раскольников и Порфирий Петрович, через союз Дуни и Разумихина (Порфирий и Разумихин ведь по замыслу автора – хотя и дальние, но родственники). Возвращаясь к Лужину и Свидригайлову, заметим, что оба они – претенденты на подобную же роль родственников Родиона Романовича (возможные «зятья»). В итоге проигрывают Разумихину, а через него – Порфирию Петровичу.

Это выводит нас на второй ракурс, идейно-теоретический. Лужин ведь сродни Свидригайлову и в этом отношении. Они оба – двойники Раскольникова, только как бы с разных полюсов. Лужин – с полюса «теоретического» (известна его сентенция на тему «кафтана без рукава»). Лужин вообще остро заинтересован в новомодных теориях, оттого и внимателен к Лебезятникову.

Свидригайлов, напротив, теориями «не интересуется»¹⁴, «так себе теорийка; теория, как всякая другая»¹⁵. А в *идейном* отношении, напротив, он сродни как раз Раскольникову, поэтому и признает: «А шельма, однако ж, этот Раскольников! Много на себе перетащил. Большою шельмой может быть со временем, когда вздор повысочит»¹⁶. Заметим, что «вздор» – это «теория», конечно. И надо признать, что это мнение знатока – явно по себе судит.

Сродни они, Лужин и Свидригайлов, и в третьем ракурсе – в эмоциональном отношении к ним со стороны центрального героя. Он их обоих ненавидит: с одной стороны, опять-таки по поводу сестры Дуни, а с другой – потому что угадывает в том и в другом такие ипостаси собственной позиции, которые его не радуют (и это еще одно преломление темы «двойников»).

Еще один ракурс сопоставления Лужина и Свидригайлова – их отношение друг к другу в связи с конкуренцией по поводу Дуни. Коротко говоря: они знают друг другу некую объективную цену. Лужин откровенно опасается Свидригайлова как конкурента (и уже поэтому он – далеко не дурак). Интересно, что он в этом отношении сразу распознал и в Разумихине некую опасность, но недооценил ее: «С болезненным ощущением припоминался ему, тоже как-то невольно, Разумихин... (заметим в скобках – по воле автора, конечно припомнился) но, впрочем, он скоро с этой стороны успокоился: «Еще бы и этого-то поставить с ним рядом!» Но кого он в самом деле *серьезно боялся*, – так это Свидригайлова...»¹⁷.

В свою очередь, Свидригайлов – *очень даже заметил* обоих конкурентов. Вот примечательное его признание Раскольникову о своем отношении к Дуне и к Лужину: «Верите ли, я до того тогда врезался, что скажи она мне: зарежь или отрави Марфу Петровну и женись на мне, – это тотчас же было бы сделано! Но кончилось все катастрофой, вам уже известно, и сами можете судить, до какого бешенства мог я дойти, узнав, что Марфа Петровна достала тогда этого *подлейшего приказного*, Лужина, и чуть не смастерила свадьбу»¹⁸. Обратим внимание: Аркадий Иванович и в этот момент признания не может сдержаться (для него это большая редкость). Он называет Лужина «подлейшим приказным», тогда как это по меньшей мере несправедливо. Петр Петрович – успешный адвокат и в той ситуации не такой уж подлейший человек. Он, как мы помним, *разглядел* Дуню, не поверил

¹⁴ Достоевский 1972–1990/7, 164.

¹⁵ Достоевский 1972–1990/6, 378.

¹⁶ Достоевский 1972–1990/6, 390.

¹⁷ Достоевский 1972–1990/6, 236.

¹⁸ Достоевский 1972–1990/6, 367.

сплетням и сделал максимум для себя возможного для спасения ее репутации. И потому он – *сильный конкурент*.

Свидригайлов тоже оказался на высоте, когда открыто взял на себя вину. Даже Пульхерия Александровна это признает: «...вся гнусность этого дела легла неизгладимым позором на ее мужа, как на главного виновника, так что *мне его даже и жаль; слишком уже строго поступили с этим сумасбродом*»¹⁹. Но на тот момент Аркадий Иванович явно проигрывал Лужину. И в Петербург он примчался, чтобы расстроить свадьбу. У него получилось – но только по двум причинам. Во-первых, он нашел сильного союзника в лице Родиона Раскольникова. А во-вторых, Лужин сам наглупил со своей самоуверенностью, скупостью и, наконец, подлостью по отношению к Соне Мармеладовой (когда попытался оклеветать ее).

Что касается отношения Аркадия Ивановича к Разумихину, то это вообще интригует. Раскольникову он говорит: «*Я слышал что-то о каком-то господине Разумихине. Он малый, говорят, рассудительный (что и фамилия его показывает, семинарист должно быть), ну так пусть и бережет вашу сестру*»²⁰. Впоследствии он Соню обеспечивает приличной суммой (кстати, тем самым обеспечивает и счастливый финал, потому что не будь этих денег, – не было бы и взаимного перерождения Родиона и Сони в Сибири). И, вручая деньги Соне, Аркадий Иванович советует: «*Родиону Романычу поклон. Кстати: держите-ка деньги-то до времени хоть у господина Разумихина. Знаете господина Разумихина? Уж конечно, знаете. Это малый так себе* (в данном контексте, конечно, в смысле «малый достойный»)». И затем добавляет: «*Кстати... скажите-ка господину Разумихину, что я велел ему кланяться. Так-таки и передайте: Аркадий, дескать, Иванович Свидригайлов кланяется. Да непременно же*»²¹.

Обратим внимание: поклон Раскольникову, и еще более настоятельный поклон – Разумихину. Это что-нибудь да значит. А интригует потому, что по сюжету романа взаимного очного знакомства Свидригайлова и Разумихина – *не предусмотрено!* Они лишь дважды пересекаются и даже не говорят друг с другом: на пороге комнаты Раскольникова и на улице, когда Свидригайлов увидел со стороны Родиона, Соню и Дмитрия Разумихина. Откуда же такое признание Аркадием Ивановичем достоинств Разумихина? Тем более что и Дуне, от которой Свидригайлов без ума, сам он говорит: «...зачем вам Разумихин? Я вас *также люблю...*»²². Можно понимать так, что и про любовь Разумихина к Дуне Свидригайлов знает и умеет ее оценить.

Возможны два предположения. Или автор это упустил из виду – забыл их ближе познакомить. Или же – что более вероятно – здесь выражена уникальная прозорливость Свидригайлова по отношению к встречным и поперечным. Подтекст этого образа, или, иначе говоря, его потенциал, художественная избыточность, – в романе вообще уникальны.

Добавим еще, что многое о Свидригайлове говорит отношение к нему Дуни. Судя по разным репликам с обеих сторон, это отношение было, мягко говоря, далеко не однозначным и временами достаточно интимным. Не будем разворачивать

¹⁹ Достоевский 1972–1990/6, 30.

²⁰ Достоевский 1972–1990/6, 365.

²¹ Достоевский 1972–1990/6, 385.

²² Достоевский 1972–1990/6, 380.

цитаты и укажем лишь на тот факт, что в финальной их встрече Свидригайлов к ней почти всегда – на «Вы», а Дуня, в свою очередь, то и дело невольно сбивается на «ты». А под занавес звучит: «– Отпусти меня! – умоляя сказала Дуня. – Свидригайлов вздрогнул: это *ты* было уже как-то не так проговорено, как давешнее. – Так не любишь? – тихо спросил он. Дуня отрицательно повела головой»²³.

В этом случае вновь вспоминается Пушкин: «Пустое вы сердечным ты / Она обмолвись заменила». А Аркадий Иванович в этот момент тоже ведь невольно перешел на «ты» (кстати, чуть ли не единственный раз за всю сцену свидания).

Что касается Разумихина, то здесь – свои нюансы. С Лужиным – через Дуню – его отчасти роднит то, что он как бы «изменил себе», когда узнал ее. Про отношение Лужина к женщинам до встречи с Дуней мы ничего не знаем. У него вдруг возникшая влюбленность вступила в конфликт с расчетливостью. Разумихин же в романе (и особенно в черновиках) совершенно нерасчетлив и представлен, в отличие от Лужина, явным дамским угодником. В черновиках он даже, по намекам, не просто очаровал «Пашеньку», квартирную хозяйку Раскольниковова, но и ночует у нее. Обаял он и кухарку Настасью. К тому же, по черновикам, Разумихин, вместе с Заметовым, – постоянный клиент «Лавизы», содержательницы публичного дома. В каноническом тексте также остаются следы всего этого. Примечательна сама тема статьи, которую Разумихин предлагает Родиону совместно переводить: «Человек ли женщина или не человек? Ну и, разумеется, торжественно доказывається, что человек»²⁴.

Коротко говоря: первоначально ведь Разумихин – «дамский угодник» и не скрывает этого. Возникают ассоциации с другим его конкурентом относительно Дуни – со Свидригайловым. Аркадий Иванович признается Раскольникову: «Скажите, для чего я буду себя сдерживать? Зачем же бросать женщин, коли я хоть до них охотник?»²⁵. Первоначально Разумихин под этим, пожалуй, «подписался» бы. Но встреча с Дуней все переменяла. То есть образ Разумихина динамичен не менее, чем Лужин и Свидригайлов. До встречи с Дуней для героя характерны честность, деловитость и легкомысленное отношение к женщинам.

По поводу честности в черновиках автором специально было отмечено: «Разумихин с необыкновенным уважением говорит с дамами о Лужине на другой день и обходится с Лужиным. Он понял, что ему неприлично было вчера ругать Лужина, потому что он сам влюблен, а следственно, Лужин ему соперник»²⁶. И в романе это вполне реализовано.

Что касается его деловитости: «Дуня верила слепо, что он выполнит все свои намерения <...> в этом человеке виднелась железная воля <...> У них обоих составлялись поминутно планы будущего; оба твердо рассчитывали чрез пять лет наверное переселиться в Сибирь»²⁷.

И, наконец, по поводу отношения к женщинам. С первого взгляда покоренный Авдотьей Романовной, Разумихин в полной мере сохраняет первое свое свойство – честность, – лишь отчасти второе – деловитость, – и совершенно избавляется от

²³ Достоевский 1972–1990/6, 382.

²⁴ Достоевский 1972–1990/6, 88.

²⁵ Достоевский 1972–1990/6, 359.

²⁶ Достоевский 1972–1990/7, 174.

²⁷ Достоевский 1972–1990/6, 414.

третьего. Достоевский поясняет: «Понятно, что горячий, откровенный, простоватый, честный, сильный, как богатырь, и пьяный Разумихин, никогда не выдавший ничего подобного, с первого взгляда потерял голову»²⁸.

Таким образом, взаимоотношения трех героев под влиянием их чувств к Авдотье Романовне Раскольниковой очень характерны. Свидригайлов и Лужин опасаются друг друга, поскольку оба достаточно равные конкуренты. Разумихину Свидригайлов знает истинную, высокую цену. А вот Лужин опять-таки по своему «глупит», когда склонен игнорировать Разумихина как соперника в «турнире» амбиций и в борьбе за сердце и руку Авдотьи Романовны Раскольниковой.

Здесь уместно припомнить сентенцию Свидригайлова (а фактически самого Достоевского): «...чтобы беспристрастно судить о некоторых людях (добавим: и о персонажах), нужно заранее отказаться от иных предвзятых взглядов и от обычной привычки к обыкновенно окружающим нас людям»²⁹.

Заключение

Резюмируем: у Достоевского в романе «Преступление и наказание» мужские образы динамичны во многом под женским влиянием (развитие Раскольникова под влиянием Сони Мармеладовой вообще более чем очевидно). Думается, можно говорить о жизненной тенденции, которую воспринимали и отражали лучшие художники слова. Вспомним о рефлексии Чацкого по поводу холодности Софьи Фамусовой; о перипетиях Евгения Онегина после знакомства с Татьяной Лариной; вспомним о рыдающем Печорине (который не смог догнать Веру); вспомним и о двух финансовых провалах Чичикова из-за увлечения женщинами... Так что Достоевский тут – не первооткрыватель. Но уж точно – ответственный и объективный писатель-мужчина.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, Т.А. 2013: «Билетцы» и гадательные двустихия А.П. Сумарокова: парадигма любовного чувства. *ПИФК* 3 (41), 161–168.
- Абрамзон, Т.Е., Зайцева, Т.Б., Рудакова, С.В. 2016: Романтическая концепция красоты в рассказе Чехова «Красавицы». *ПИФК* 2 (52), 343–355.
- Власкин, А.П. 2012: Лебезятников против Раскольникова: О дифференциации героев Достоевского. В сб.: *Три века русской литературы*. М.–Иркутск, 14–21.
- Власкин, А.П. 2003: Мужское и Женское: перспективы непонимания в художественной среде Достоевского. *ПИФК* 13, 78–89.
- Власкин, А.П. 2004: На перекрестках человеческой природы: Мужское – Женское – Детское в художественной среде Ф.М. Достоевского. *Вестник Российской литературы* 1, 51–60.
- Гоголь, Н.В. 1994: *Собр. соч.*: в 9 т. Т. 5. М.
- Достоевский, Ф.М. 1972–1990: *Полное собрание сочинений*: в 30 т. Л.
- Зайцева, Т.Б. 2011: Концепт «Любовь» в творчестве А.П. Чехова (для антологии «художественные константы русской литературы»). *ПИФК* 3 (33), 705–710.

²⁸ Достоевский 1972–1990/6, 158.

²⁹ Достоевский 1972–1990/6, 364.

- Рудакова, С.В. 2013: *Основные образно-семантические категории поэтического мира Е.А. Боратынского*. Магнитогорск.
- Татаркина, С.В. 2002: Диалог «мужского» и «женского» в жанровой структуре прозы А.Я. Панаевой. В сб.: *Проблемы литературных жанров*. Томск, 219–224.
- Шорэ, Э., Хайдер, К. (ред.) 1999: *Пол. Гендер. Культура*. М.
- Demidova, O. 1996: Russian Women writers in the Nineteenth Century. In: R. Marsh (ed.), *Gender and Russian Literature*. Cambridge, 92–112.
- Marsh, R. (ed.) 1996: *Gender and Russian Literature*. Cambridge.
- Whitford, M. 1991: *Luce Irigaray: Philosophy in the feminine*. London.

REFERENCES

- Abramzon, T.A. 2013: «Biletcy» i gadatel'nye dvustishiya A.P. Sumarokova: paradigma ljubovnogo chuvstva [A.P. Sumarokov's 'Cards' and Fortune-Telling Distich: Paradigm of Love]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3 (41), 161–168.
- Abramzon, T.E., Zayceva, T.B., Rudakova, S.V. 2016: Romanticheskaya kontseptsiya krasoty v rasskaze Chehrova [The Romantic Concept of Beauty in Chekhov's Story "Beauty"]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 2 (52), 343–355.
- Demidova, O. 1996: Russian Women writers in the Nineteenth Century. In: R. Marsh (ed.) *Gender and Russian Literature*. Cambridge, 92–112.
- Dostoevskiy, F.M. 1972–1990: *Polnoe sobranie sochineniy* [Full Composition of Writings]: v 30 t. L.
- Gogol', N.V. 1994: *Sobr. soch.* [Collected Works]: v 9 t. T. 5. Moscow.
- Marsh, R. (ed.) 1996: *Gender and Russian Literature*. Cambridge.
- Rudakova, S.V. 2013: *Osnovnye obrazno-semanticheskie kategorii poeticheskogo mira E.A. Boratynskogo* [The Main Image and Semantic Category of E.A. Boratynsky's Poetic World]. Магнитогорск.
- Shore, Je., Hayder, K. (red.) 1999: *Pol. Gender. Kul'tura* [Gender. Culture]. Moscow.
- Tatarkina, S.V. 2002: Dialog «muzhskogo» i «zhenskogo» v zhanrovoy structure prozy A.Ya. Panaevoy zhanrov [Dialogue of "male" and "female" in the genre structure A.Ya. Panayeva's prose]. In: *Problemy literaturnykh zhanzrov* [Problems of literary genres]. Tomsk, 219–224.
- Vlaskin, A.P. 2003: Muzhskoe i Zhenskoe: perspektivy neponimaniya v hudozhestvennoy srede Dostoyevskogo [The Male and the Female: the Perspectives of Misunderstanding in Dostoyevsky's Artistic Environment]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 13, 78–89.
- Vlaskin, A.P. 2004: Na perekrestkahr chelovecheskoy prirody: Muzhskoe – Zhenskoe – Detskoe v hudozhestvennoy srede F.M. Dostoyevskogo [At the Crossroads of Human Nature: Male – Female – Child in the Artistic Environment of F.M. Dostoyevsky] *Vestnik Rossiyskoy literatury*. [Bulletin of the Russian literature] 1, 51–60.
- Vlaskin, A.P. 2012: Lebeziatnikov protiv Raskol'nikova: O differentsiatsii geroev Dostoyevskogo [Lebeziatnikov against Raskolnikov: On the differentiation of Dostoyevsky's heroes]. In: *Tri veka russkoy literatury* [Three Centuries of Russian Literature]. Moscow–Irkutsk 27, 14–21.
- Whitford, M. 1991: *Luce Irigaray: Philosophy in the feminine*. London.
- Zayceva, T.B. 2011: Koncept «Ljubov'» v tvorchestve A.P. Chehrova (dlya antologii «hudozhestvennye konstanty russkoy literatury») [Concept "love" in A. Chekhov's Works

---

(for the Anthology of Russian literary Constants)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3, 705–710.

FIGURATIVE SYSTEM OF F.M. DOSTOYEVSKY'S
NOVEL "CRIME AND PUNISHMENT" IN THE GENDER ASPECT

Alexander P. Vlaskin, Tatiana B. Zaitseva, Svetlana V. Rudakova

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,
apvmgn@mail.ru, tbz@list.ru, rudakovamasu@mail.ru

Abstract. In the "Crime and punishment" at relative quantitative equality of male and female characters their "artistic inequality" according to the possibilities of their interaction is observed. Men's images are rather independent and stable in relation to each other. However, they become dynamic when they get to the competitive field under women's influence. As a result peculiar "love-art triangles" are formed. Dostoevsky provided even "polygons" in his draft materials to the novel.

In the article, the specified regularity is considered on the example of interference of images of Avdotya Raskolnikova, Luzhin, Svidrigaylov and Razumikhin. It is revealed that under the influence of the main character's sister in competitive relationship all three suitors to win her hand and heart considerably change. Thereby in these men's images under the influence of the female center of gravity the hidden art and psychological potential that is initially provided by Dostoyevsky becomes known. At the same time, the evolution of three images is uneven and diverse. The initial stage in Luzhin's story fate is positive. He was the only one who did not believe the gossip, and saved the reputation of Avdotya Romanovna. However then he drastically degrades in the ethical relation. Svidrigaylov demonizes himself for a long time. Nevertheless, gradually, under the influence of feelings to Avdotya Raskolnikova, he begins to evolve in a positive direction. Razumikhin is initially shown in positive psychological aura. However, in his male reputation there were negative nuances – flippant attitude to women. The image is completely cleared of it after the contact with Avdotya Raskolnikova. His evolution is the most radical.

Key words: Russian literature of the 19th century, F.M. Dostoevsky, novel "Crime and punishment", psychological analysis

---
